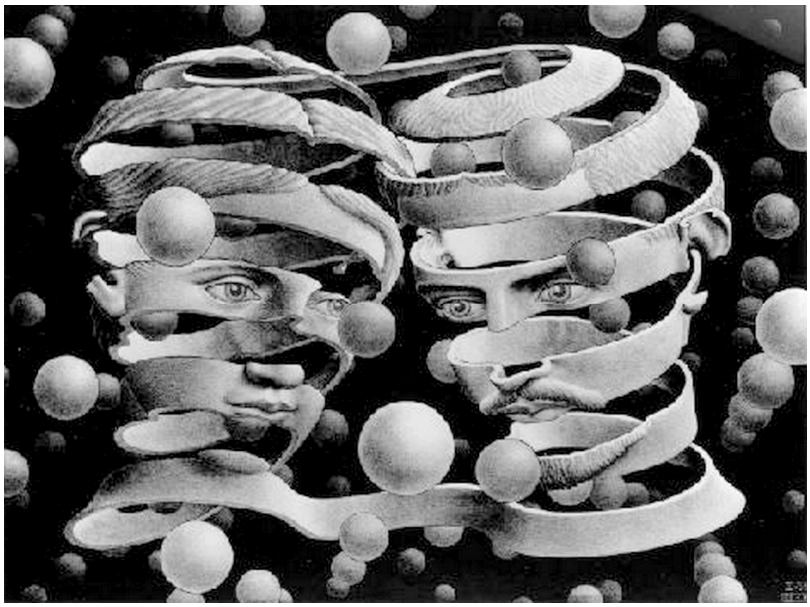

Узы единства. Художник Маурицц Эшер. 1956.

УДК 930.85:575.17

.

Барабанов О.Н.

Раннесредневековая этническая история балто-славянского ареала и новые данные популяционной генетики для ее изучения

Барабанов Олег Николаевич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, МГИМО-Университет МИД России, заместитель директора – научный руководитель Европейского института МГИМО
E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Автор рассматривает процесс серьезной идеологизации и политизации вопроса об этнической истории племен и народов балто-славянского ареала в VI–X вв. В этом контексте автор подробно анализирует данные письменных и археологических источников по основным летописным племенам Древней Руси (таким, как кривичи, поляне, радимичи, вятичи и др.). Также автор использует новый комплекс источников, ставший доступным для историков в связи с открытиями популяционной генетики человека в 1990–2000-е гг. В работе сопоставляются данные выделяемых популяционной генетикой групп населения по ДНК-анализу с традиционными данными источников.

Ключевые слова: Древняя Русь, поляне, кривичи, радимичи, вятичи, популяционная генетика.

По понятным политическим причинам в связи с образованием в 1991 г. независимых государств Украины, Белоруссии и Литвы проблема исторических корней этой территории приобрела особую идеологическую остроту. Формирование новых национальных историографий в этих республиках привело к появлению многих политически детерминированных концепций истории, причем истории не только недавней, но и средневековой. Попытки соотнесения с существующими нациями раннесредневековых этнических образований стали полем не только для исторического анализа, но и для современной политической идеологии. Эти тенденции в новых независимых государствах привели к ответным шагам со стороны экспертного сообщества «старых» историографических школ России и Польши. В результате и в науке, и в популярной литературе появилось большое число взаимно исключающих друг друга концепций, посвященных этнической истории региона. Одной из таких идеологически заостренных исторических проблем стал вопрос о соотнесении с современными нациями этноплеменных групп, входивших в состав Древней Руси и упомянутых в летописных источниках: кривичей, радимичей, полян, вятичей и др.

Расселение славян в VI–IX вв. по П.Н. Третьякову и В.И. Козлову (Большая Советская Энциклопедия, http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/103/144.htm)

Из всех этих групп, пожалуй, именно кривичи оказались в центре разнонаправленных идеологических подходов. Ключевой вопрос здесь – считать ли кривичей славянами или балтами. Одна из причин этого – нечеткость в понимании того, относились ли кривичи стопроцентно к славянским этническим группам в «Повести временных лет».

С одной стороны, кривичи как этнос не были указаны отдельно от руси в начальных строках русских летописей при перечислении разных народов, населяющих ареал Древней Руси в «землях Иафета» после всемирного потопа: «В Афетове же части седит русь, и чюдь, и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чюдь, пермь, печера, ямь, литва, зимегола, корсь, сетгола, либь. Ляхове же, и пруси, и чюдь приседят к морю Варяжскому»[1]. В этом списке, пожалуй, с наибольшей подробностью перечислены все невосточно-славянские этнические группы, населявшие или саму территорию Древнерусского государства, или приграничные с ней земли. Кривичей (как и всех других восточнославянских групп) нет в этом списке, что позволяет предположить, что здесь они подразумевались этнически как часть руси[2].

[1] Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 38. Л.: Наука. 1989. С. 11. В дальнейшем указание на страницу при цитировании т. 38 ПСРЛ будет приводиться в тексте после цитаты в круглых скобках.

[2] Отметим, что для целей нашей статьи не так важно, с какого момента в русских летописях происходит отождествление руси как этноса со славянским населением вместо возможных изначальных трактовок руси как этнического клана Рюрика, призванного в славянские земли. Эта тема уже в течение нескольких веков находится в фокусе противоречий вокруг «норманнской теории» происхождения Древнерусского государства. В разных местах летописи есть противоречащие друг другу указания на эту тему. В любом случае, в итоге хронологической череды событий IX–X вв. «Повесть временных лет» начинает отождествлять русь с племенем полян на Среднем Днепре вокруг Киева («поляне, иже ныне зовомая русь» (ПСРЛ. Т. 38. С. 18)). Наиболее развернутую критику «норманистских» подходов к восприятию руси как этнической группы см. в: Рыбаков Б.А. Киевская Русь

С другой стороны, далее летопись сообщает о расселении славянских племен с Дуная по различным областям. Этот список также очень подробен, но кривичей в нем нет, а есть другая этническая группа – полочане: «По мнозех же временех сели суть словени до Дунаеви, где есть Угорьская земля и Болгарская земля; и от тех словен разидошася по земли и прозвашася имены своими, где седши на котором месте; якоже пришедше, седоша на реце именем Морава и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошеся; а се ти же словене же; хорвате белии, и сербь, и хорутане. Волохом бо нашедшим на словены на дунайскыя. и седшим в них, и насилящи им, словени же они пришедше, седоше на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лютичи, инии мазовшане, инии поморяне. Тако же и тии словене, пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии деревляне, зане седоша в лесех, а друзии седоша межи Припятью и Двиною и нарекошася дрегвичи, инии седоша на Двине и нарекошася полочане, реки ради, яже течеть в Двину, именем Полота, от сея прозвашася полочане. Словене же седоша около озера Ильменя и прозвашася своим именем, и сделаша город и нарекоша Новгород. А друзии седоша по Десне, и по Семи, и по Суле и нарекошася севера. И тако разыдеся словенскый язык, тем же и прозвася грамота. Поляном же живущим особь по горам сим, и бе путь из Варяг в Грекы, а из Грек по Днепру...» (С. 12).

Град Смоленск. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Конец XV в.

Кривичи же впервые появляются в летописи в другом перечислении вместе с полочанами, но из которого неясно, идентичны ли они полочанам или же представляют отдельный этнос. После того, как в летописи приводится рассказ о братьях Кие, Щеке и Хориве и основании Киева, говорится следующее: «И по сеи братии почаша держати род их княженье в полях, а в деревех свое, а дрегвичи свое, и словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане, от них же и кривичи седят на верх Волгы, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск. Ту бо седят кривичи, таже севера; от них на Белеозере седят весь; и на Ростове озере меря» (С. 13). Ключевой вопрос в понимании источника состоит во фразе «от них». Следует ли понимать ее, что кривичи произошли от полочан, или же «от них» означает не более, чем географическое перечисление, и от полочан автор летописи переходит к следующему племени. Именно в таком контексте, как мы видим, фраза «от них» использована в том же фрагменте летописи применительно к северянам и веси – здесь, очевидно, речь идет о двух разных этнических группах, лишь занимавших соседние территории.

Сразу же после этой фразы в летописи идет перечисление племен, говорящих по-славянски, в отличие от племен, использующих другие языки. Кривичей здесь нет ни в том, ни в другом списке. Полочане же приводятся в числе славян, а в числе иных языков упоминается литва: «Се бо токмо словенскый язык в Руси: поляне, деревляне, новгородци, полочане, дрегвичи, северо, бужане, зане седять по Бугу, последи волынци. И се суть инии языцы, иже дань дают Руси: чюдь, весь, меря, мурома, черемиса, ямь, мордва, печера, литва, зимегола, корсь, нерома, ливь, суть свои язык» (С. 13).

Затем, уже в первых хронологически определенных известиях летописи о призвании варягов кривичи упоминаются наравне как со славянскими племенами (словенами новгородскими), так и финно-угорскими (чудь и меря). Здесь также нет однозначной идентификации кривичей со славянами: «В лето 6367 (859). Имаху дань варязи из замория в чюди, на словенех, на мерях и на всех кривичех. А козаре имаху на полех, и на севере, и на вятичех, имаху по беле и девеци от дыма» (С. 16).

«В лето 6370 (862). Бывша варягы из заморья, и не да им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и восташа род на род, и быша в них усобици, воевати почаша сами на ся, и реша сами в себе: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и рядил по праву». И идоша за море к варягом к руси, сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовуться свеи, друзии же урмяни, ингляне, друзии и готе. Тако и си. Реша руси чюдь, и словене, и кривичи, и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете у нас княжити и володети» (С. 16). Таким образом, племенное объединение, призвавшее варягов, носило полиэтничный характер, и включало в себя в т.ч. и такие этнические группы (чудь), чья территория, как правило, позднее не воспринималась как часть непосредственно Древнерусского государства.

Затем летопись упоминает об основании Рюриком города Полоцка и о том, что его первыми жителями, наряду с варягами, стали кривичи: «И пришед (Рюрик) ко Илмерю, и сруби городок над Волховом, и прозва Новгород, и седе ту княжа, раздая волости мужем своим, и городы рубити: овому Полтеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом находници суть варязи, а первии населници в Новегороде словени, в Полоцку кривичи, в Ростове меряне, в Белеозере весь, в Муроме мурома, и теми всеми обладаше Рюрик» (С. 16).

«В лето 6390 (882). Поиде Олег, поим вои многы: варягы, чюдь, словене, мерю и все кривичи, и прииде к Смоленьску и с кривичи, приа град и посади мужи свои... Сеи же Олег нача городы ставити, и устави дани словеном, и кривичем, и мерям, и устави варягом дань даати от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еще и до смерти Ярославле дааша варягом» (С. 17).

Важно отметить, что северные племена (как славянские, так и финноугорские), которые еще до призвания Рюрика были варяжскими данниками, разводятся в летописи с южными восточно-славянскими племенами, которые до Олега платили дань хазарам и находились в зависимости от них. В определенной степени это показывает, что к моменту призвания Рюрика территория будущей Руси не была единой и была разделена на два не связанных друг с другом протогосударственных образования: одно (северное) – под протекторатом варягов, а другое (южное) – под протекторатом хазар. Рюрик в своей политике практически не выходил за пределы северного объединения, и только Олег совершил походы на южный хазарский протекторат, переподчинил входящие в него племена

и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука. 1982. С. 55–107. В фокусе же нашего внимания в любом случае находится противопоставление не по линии «славяне-варяги», а по линиям «славяне-литва» и «славяне восточные – славяне западные».

себе, и сделал Киев столицей уже объединенного государства (или, если уж совсем точно следовать тексту летописи, сделал всю территорию восточных славян своим, варяжским, протекторатом).

Кривичи в числе других племен участвовали в походе Олега на Византию в 907 г.1 После похода, когда Олег добился от греков уплаты дани основным русским городам, в их числе указан Полоцк, но не указан Смоленск: «И реша греци: “Чего хощеши, дам ти”. И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти углады на руския грады: первое на Киев, таже на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы; по тем бо городом седяху велиции князи, подо Олгом суще» (С. 20).

Далее, кривичи упомянуты в числе племен, участвовавших в походе князя Игоря на Византию в 944 г. После первого похода Игоря на Константинополь в 941 г., когда он потерпел поражение, «Игор же, пришед (назад в Киев), нача совокупляти вои многы, и посла по варяги за море, вабя их на грекы и паки хотя поити на них... В лето 6452 (944) Игорь совокупи вои многи: варягы, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и тивереци, и печенегы наа, и тали у них поя, и поиде на грекы в лодьях и на конех, хотя мьстити себе» (С. 25).

Интересно, что противопоставление кривичей варяжским правителям Полоцка прослеживается и во времена князя Владимира, т.е. через сотню с лишним лет после призвания Рюрика, т.е. полного слияния элит и ассимиляции варягов в местной среде за этот период так и не произошло. В 980 г., в период борьбы братьев Ярополка и Владимира Святославичей за киевский престол, Владимир сватается к дочери полоцкого князя Рогволода. Летопись характеризует его так: «Бе бо Рогволод пришел из замория, имяше власть свою Полтеск, а Туры в Турове, от него же и туровци прозвашася». Дочь Рогволода оскорбительно отказывает Владимиру, и тогда «Володимир же собра вои многы: варягы, и словены, и чюдь, и кривичи, и поиде на Рогволода ... и прииде Володимер на Полтеск и уби Рогволода» (С. 38).

Посольство Владимира к Рогволоду Полоцкому с целью сватовства к Рогнеде. Беседа Рогволода с Рогнедой, отказавшейся стать женой Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Конец XV в.

Эти летописные сведения составляют основу, которую дают нам письменные источники об истории кривичей. С другой стороны, значительную информацию о них предоставляют археологические источники. Поселения и могильники как собственно кривичей, так и предшествовавших им племен, уже с XIX в. находятся в фокусе внимания археологов. Материалы раскопок конкретных памятников затем были подвергнуты более широкому анализу в обобщающих работах по преемственности и этнической принадлежности археологических культур данного региона вокруг Смоленска и Полоцка. К числу наиболее известных (и резонансных в научной дискуссии) работ такого рода следует отнести исследования П.Н. Третьякова, Д.А. Авдусина, Л.В. Алексеева, В.В. Седова, И.И. Ляпушкина.

В фокусе внимания послевоенной советской археологии была дискуссия о противопоставлении кривичей и варягов. На материалах обширного курганного могильника в Гнездове под Смоленском, исследовавшегося экспедицией истфака МГУ в течение нескольких десятилетий, ее руководитель Д.А. Авдусин подчеркивал славянский характер захоронений и делал вывод об отсутствии массового норманнского присутствия в этом регионе – ключевой транзитной зоне между Днепром и Западной Двиной на пути «из Варяг в Греки»[2]. В 1949 г. в одном из курганов Гнездова была найдена амфора-корчага с древнейшей русской надписью, которая была датирована Д.А. Авдусиным первой четвертью X в.[3].

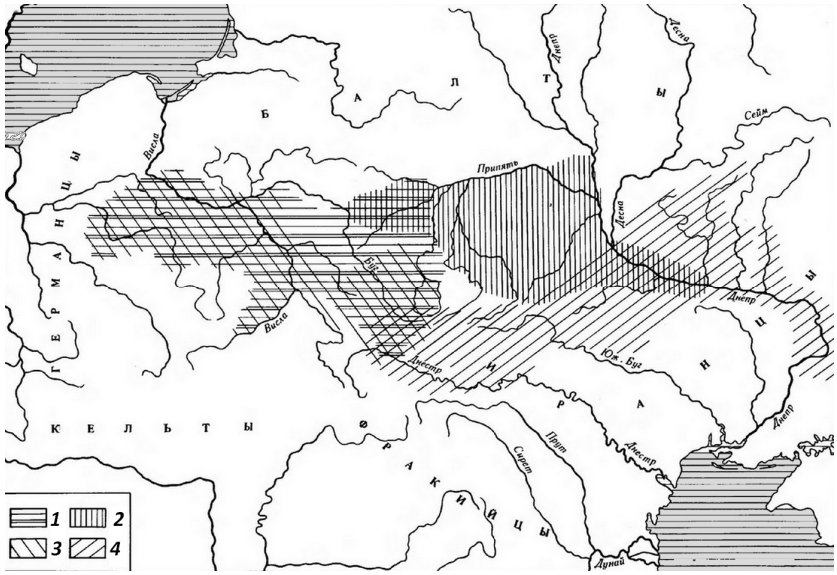
Во второй половине 1960-х гг. в Гнездове проводил параллельные раскопки ленинградский археолог И.И. Ляпушкин, который поставил под сомнение исключительно славянскую принадлежность данного памятника и сделал акцент на норманнском присутствии в Гнездове[4]. Его раскопки стали основой для критики подходов Д.А. Авдусина и выстраивания альтернативной концепции «норманнского Гнездова», предпринятых другими ленинградскими историками В.А. Булкиным, И.В. Дубовым и Г.С. Лебедевым[5]. Встроенная в существовавшую тогда общую борьбу исторических школ МГУ и ЛГУ по изучению Древней Руси, эта дискуссия придала ей новое, «гнездовское», измерение.

В ходе этой полемики по линии «славяне – норманны» в советской историографии немного отошла в тень другая разделительная линия – «славяне – балты» применительно к кривичам. Несмотря на наличие балтского субстрата, кривичи большинством советских археологов признавались полностью славянским племенем.

Ситуация резко изменилась в связи с формированием белорусской национальной историографии в начале 1990-х гг. В ней достаточную распространенность получило этническое самовосприятие белорусов не как славян, а как славянизированных балтов[6]. Это проистекало, с одной стороны, из идеологической полемики между новыми историографиями Белоруссии и Литвы и положения белорусских историков о том, что ядро элиты Великого княже-

[1] ПСРЛ. Т. 38. С. 19.
[2] Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз. 1952. С. 322–324.
[3] Там же. С. 334–340.
[4] Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнездова // Археологические открытия 1967 г. М. 1968; Он же. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
[5] См., напр.: Булкин В.А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Дисс. … к.и.н. Л., 1973; Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 11–17; Булкин В.А., Дубов И.В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978 С. 16–20; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ. 1978. Общее изложение дискуссии см. в: Алексеев Л.В., Богданов В.П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М.: Наука, 2009. С. 252–256.
[6] См. напр.: Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII в. / Ред. А.Е. Тарас. Минск: Харвест, 2010. С. 3–7.

ства Литовского в XIII–XIV вв. составляли не будущие литовцы (жемайты и аукштайты), а будущие белорусы (с которыми отождествляли «литвинов»)[1]. С другой стороны, это наложилось на социально-психологическое стремление дистанцироваться от России и «русскости», которое было характерно для ряда белорусских интеллектуалов в «долукашенковский» период, а затем – уже в рамках белорусской оппозиции как признак изначальной «европейскости» Белоруссии[2]. Тем самым балтами признавались не только сами белорусы, но и кривичи, которые по этой логике выступали как одна из составных частей белорусской нации. В итоге, археология и средневековая история кривичей стала в последнее время очень идеологизированной и политически востребованной.

Размещение славян с V в. до н. э. по V в. н. э. по В.В. Седову; 1 – культура подклешевых погребений (V–II вв. до н.э.); 2 – зарубинецкая культура (II в. до н.э. – I в. н.э.); 3 – Висленский регион пшеворской культуры (II в. до н.э. – V в. н.э.); 4 – Подольско-Днепровский регион Черняховской культуры (III–V вв. н.э.). Источник: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1993.

Археологически, ключевые моменты этой дискуссии состоят в следующем. В период примерно до рубежа III–II вв. до н.э. – до сарматского нашествия – археологическая и этническая картина Восточной Европы выглядела стабильной. В этот период не только собственно Прибалтика, но и большая часть современной Белоруссии, а также верховья Днепра были заселены племенами днепро-двинского (верхнеднепровского) комплекса культур (юхновской, смоленской и др.), который признается прото-балтским[3]. На востоке с ними граничили племена дьяковской культуры, которая относится уже к финно-угорскому ареалу[4]. Граница между балтским и финно-угорским ареалами прослеживается не только археологически, но и по данным гидронимики (в исследованиях В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева)[5] и проходит примерно по линии Москвы или чуть восточнее ее. На юго-западе прото-балтские племена соприкасалась с племенами пшеворской культуры в Польше, которую большинство археологов считает прото-славянской[6]. На юге же, в лесостепной полосе Среднего Днепра, находились племена зарубинецкой культуры, которые под натиском сарматов стали переселяться на север, в лесную полосу вверх по течению Днепра – т.е. на территорию днепро-двинской культуры.

Соответственно, основной вопрос здесь – это этническая принадлежность зарубинецкой культуры. В советской историографии в большинстве работ считалось, что зарубинецкая культура является несомненно славянской. Этой точки зрения придерживались столь разные по общей тональности работ исследователи, как Б.А. Рыбаков и П.Н. Третьяков[7]. Другие точки зрения состоят в том, что зарубинецкая культура была окраинно-скифской[8], т.е. иранской, или окраинно-балтской[9].

---

[1] Там же. С. 8–9.

[2] Общее описание данного направления см. в: Петриков П.Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск: Белорусская наука, 2007. С. 5–9.

[3] См.: Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л.: Наука. 1966. С. 113–145: Авдусин Д.А. Основы археологии. М.: Высшая школа, 1989. С. 168–170.

[4] См.: Там же. С. 170–173.

[5] Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962; Топоров В.Н. “Baltica” Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.

[6] Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М.: Наука. 1969. С. 108–114.

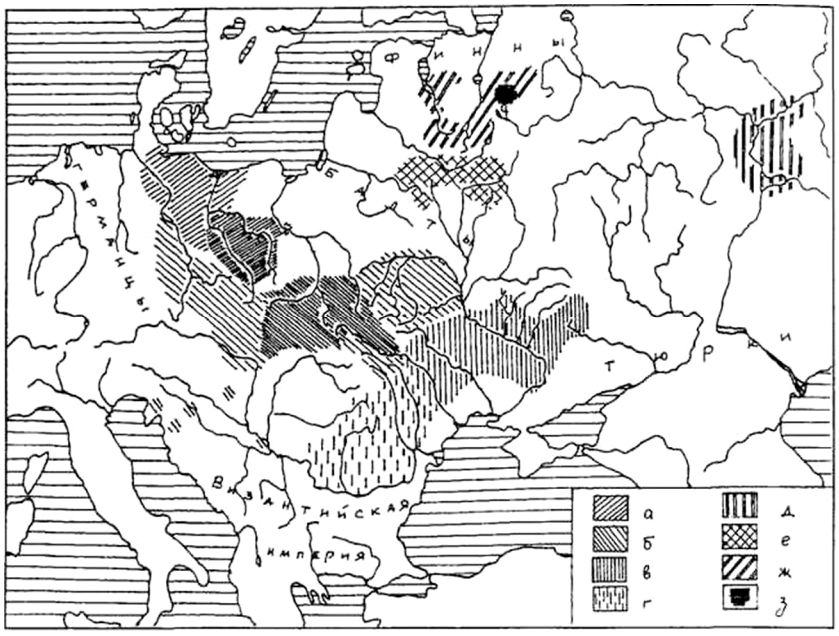
[7] См.: Третьяков П.Н. Указ. соч. С. 200–230; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука. 1982. С. 30–33; Он же. Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1988. С. 12–18.

[8] О влиянии скифской культуры на зарубинецкую и идеях эволюции зарубинецкой культуры из скифской см. напр.: Тереножкин А.И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. // Советская археология. 1955. Вып. XXIV; Он же. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев. 1961; Петренко В.Г. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV–III вв. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л., 1961. Т. 96.

[9] Фактурные данные для отождествления зарубинецкой культуры с балтами (отчасти, натянуто) берутся главным образом из связи между зарубинецкой и милоградской культурой (памятники последней расположены, в основном, по берегам Припяти), по итогам раскопок Ю.В. Кухаренко и Л.Д. Побаля: Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // Свод археологических источников. М.–Л. 1965. Вып. Д1–29; Он же. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология. 1960. № 1; Побаль Л.Д. Пасяленні і могільник зарубінецкай культуры у Чапліне // Весці Акад. навук БССР. 1959. № 3, хотя сам Ю.В. Кухаренко считал зарубинецкую культуру славянской. Ключевой вопрос здесь состоит в этническом отождествлении милоградской культуры. М. Гимбутене считает ее несомненно балтской (Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф. 2004), П.Н. Третьяков – хотя и очень своеобразной, но в целом балтской (Третьяков П.Н. Указ. соч. С. 177–184, 213–214, он, впрочем, отрицает выводы Л.Д. Побаля о связи двух культур), Б.А. Рыбаков – праславянской (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С. 15). Д.А. Авдусин указывает, что вопрос о славянском или балтском характере зарубинецкой культуры не решен: Авдусин Д.А. Основы археологии. С. 230.

Это положение о славянском характере зарубинецкой культуры соединялось в ряде работ в советской историографии с тем, что именно она представлялась как системообразующая основа для формирования всех будущих восточнославянских племен, которые были упомянуты в летописи. Т.о., и кривичи, и поляне, и радимичи с вятичами выводились непосредственно из зарубинецкой культуры. Отсюда делался вывод о своего рода «зарубинецкой автохтонности» восточных славян, о том, что все они расселились на территории будущей Киевской Руси еще со времен зарубинецкой культуры, и именно эта эпоха является точкой раз деления между западными и восточными славянами[1].

Другая концепция состояла в том, что значительная часть восточнославянских племен была сформирована гораздо позднее, в эпоху Великого переселения народов, и была вызвана уходом части западно-славянских племен с территории будущих Польши и Чехии, а также Среднего Подунавья на Восток из-за притеснений со стороны гуннов и особенно аваров в ходе создания Аварского каганата в Паннонии. Именно этим объясняется феномен распространения на территории восточно-славянского ареала пражско-корчакской археологической культуры. Тем самым, по этой логике, значительная часть восточно-славянских племен не являлась автохтонной с зарубинецкой эпохи, а пришла с Запада в VI–VII вв., т.е. всего за пару столетий до возникновения Древнерусского государства и летописания[2].

Славянские культуры второй половины I тыс. н.э.: а – ареал суковско-дзедзицкои культуры (регион формирования выделен более плотной штриховкой); б – пражско-корчакской культуры (значение плотной штриховки то же); в – пеньковской культуры; г – ипотешти-кындештской; д – именьковской; е – тушемлинской; ж – ранних длинных курганов; з – удомельских древностей. Источник: Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование М.: Языки славянской культуры, 2002

Соответственно, племена, расселившиеся в междуречье Верхнего Днепра и Западной Двины, имеют в своей этнической «стратиграфии» слой балтского субстрата, слой зарубинецко-милоградского времени (как бы его ни оценивать) и слой эпохи Великого переселения народов. Такова ситуация с целым рядом восточнославянских племен, но поскольку именно кривичи оказались на непосредственной границе Древнерусского государства и известных по письменным источникам балтских племен IX–XI вв. (ятвягов, пруссов и литвы (как бы ее ни понимать)), то именно в отношении кривичей предположения о том, что балтский элемент в них превосходит славянский, были особенно распространены и стали активно использоваться в современной белорусской историографии.

К слову говоря, восприятие «кривичских» коннотаций восточно-славянских наций нашло свое отражение и в современных балтских языках. В латышском языке до сих пор восприятие и России, и Белоруссии идет через кривичей. Россия по-латышски звучит как «Криевия» (Krievija, русский / русские – «криевс» / «криеви», krievs / krievi), а Белоруссия – как «Балткриевия» (Baltkrievija; balts: «балтс» – белый).

В религиоведческом плане связь кривичей с балтами прослеживается и в том, что этноним их племени связывается с именем балтского бога Криве/Кривейтиса, а одним из изначальных центров кривичей представляется полулегендарный город Кривгород на месте современного Вильнюса.

Как мы видели в летописях, есть и еще один спорный момент – как соотносить два этнонима «полочане» и «кривичи». Именно полочане упоминались в летописи в первых перечислениях племен, населяющих территорию Древнерусского государства, кривичи же там не упоминались вовсе. О многозначности предлога «от них же» в летописной фразе «полочане, от них же кривичи» мы писали выше. Возможно, если использовать концепцию балтского субстрата, то логичным будет предположение, что изначально, на заре письменной древнерусской истории речь шла о двух разных племенах – славянских полочанах и балтских прото-кривичах, которые затем слились в одно. Эта разница получила свое развитие и в чувствующейся по летописным источникам конкуренции между двумя главными городами, заложенными в кривичской земле, – основанным Рюриком Полоцком и основанным/перестроенным Олегом Смоленском. Полоцк находился непосредственно в земле полочан, а про кривичей летопись говорит: «Их же град есть Смоленьск». Это противопоставление городов, к слову, также активно используется в идеологических целях в историографии. В белорусской историографии (которая, надо отдать ей должное, очень аккуратно и политкорректно не настаивает на «белорусскости» земель за пределами территории современной Белоруссии) всю историю кривичей концентрируют вокруг Полоцка, а Смоленск воспринимается как второстепенный центр. В смоленской же краеведческой и археологической литературе, а так же и в ряде московских работ, ключевой акцент в истории кри-

[1] Б.А. Рыбаков указывал на отличия зарубинецкой культуры, подвергшейся сарматскому нашествию, от пшеворской культуры, не испытавшей его последствий, как на ключевой момент в обособлении восточного славянства от западного: Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 31–33.

[2] См. напр.: Новик Е.К., Качалов И.Л., Новик Н.Е. История Беларуси. С древнейших времен до 2010 г. Минск: Вышэйшая школа. 2011. С. 15–18; Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс: ЕГУ. 2011. С. 11–12.

вичей делается именно на Смоленске, а роль Полоцка принижается[1].

Таковы основные спорные моменты в истории кривичей, которые сейчас стали объектом идеологизации. Помимо кривичей, есть еще два племени, этническая история которых вызывает несовпадающие интерпретации в различных национальных историографиях. Это радимичи и вятичи.

Показательно то, что в вышеприведенном первоначальном перечислении расселения славянских племен в «Повести временных лет» эти два племени не упоминаются вовсе. Затем же в летописи сообщается следующее: «Радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо 2 брата в ляхах: Радим а другии Вятко, и пришед, седоста: Радим на Сожю, и прозвашася радимичи, а Вятко с родом своим седе по Оце, от него прозвашася вятичи» (С. 14). Таким образом, летопись недвусмысленно указывает на польское происхождение этих двух племен, а также на то, что, вполне вероятно, их переселение с Запада на Восток произошло позднее, чем у других племен.

Несмотря на это, в большинстве как исторических, так и археологических работ в советской историографии это свидетельство летописи отбрасывается, и делается вывод об исконно восточно-славянском происхождении радимичей и вятичей[2]. С другой стороны, поскольку часть ареала расселения радимичей приходится на территорию современной Белоруссии, и наряду с кривичами и дреговичами радимичи воспринимаются в белорусской национальной историографии как составная часть будущего белорусского этноса, то в рамках той же тенденции дистанцирования «белорусской» триады племен от племен «великорусских» и «украинских» в ряде белорусских работ сейчас приводятся аргументы в пользу западного, польского происхождения радимичей – по той же логике, по какой в части белорусской историографии поддерживается балтское происхождение кривичей. С другой стороны, у белорусских авторов можно встретить и стремление полностью отделить радимичей от вятичей (не входивших в «белорусский» ареал), и представить вятичей не как славянское, а как финно-угорское племя.

Что касается летописных упоминаний о радимичах и вятичах, то, помимо первого известия о происхождении от ляхов, из «Повести временных лет» мы выше привели сообщение, что до призвания Рюрика и радимичи, и вятичи платили дань не варягам, а хазарам и т.о. входили в южный, хазарский протекторат. Перемена в этой зависимости от хазар к варягам произошла у радимичей при князе Олеге. «В лето 6393 (885). И посла (Олег) к радимичем, река: “Кому дань даеть?”. Они же реша: “Козаром”. И рече им Олег: “Не даите козаром, но мне даваите”. И даша Олгови по шълоягу, якоже и козаром даяху. И бе Олег обладаа поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и тиверци имеаша рать» (С. 18). И радимичи, и вятичи участвовали в походе Олега на Византию в 907 г.[3]

Несмотря на это, вятичи продолжали платить дань хазарам вплоть до времени князя Святослава, и только после его походов 964 и 966 гг. стали платить дань Киеву и вошли под его протекторат. До этого, очевидно, вятичи либо вообще находились вне пределов Киевского государства, либо были в поочередном подчинении Киева и хазар: «В лето 6472 (964). Князю Святославу взрастишю и возмужавшю, нача совокупляти вои многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, воины многы творяше ... И иде на реку Оку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем: “Кому даете дань?”. Они же реша: “Козаром по щелягу от рала даем”. В лето 6473 (965). Иде Святослав на козары ... и одоле Святослав козаров ... В лето 6474 (966). Победи Святослав вятичи и дань на них взложи» (С. 33).

В 981 г. князь Владимир повторил поход на вятичей и снова возложил на них дань: «В сем же лете и вятичи победи, и взложи на нь дань от плуга, якоже отець имаше. В лето 6490 (982). Варатишася вятичи, и иде на ня Володимер, и победи я второе» (С. 40). В 984 г. настала очередь радимичей: «Иде Володимер на радимичи; и бе у него воевода Волчеи Хвост, и посла Володимер пред собою Волчьа Хвоста; и срете на реце Песщане, и победи радимичи Волчеи Хвост; тем и русь коряться радимичем, глаголюще: «Пищанци волчьа хвоста бегают». Быша радимичи от рода ляхов, и пришедше ту ся вселиша, и платять дань Руси, и повоз везут и до сего дне» (С. 41). Показательно, что здесь летопись не только повторяет сведения о польском происхождении радимичей, но и недвусмысленно отделяет их от руси.

Применительно к этим походам Владимира надо отметить, что князь Святослав в последние годы своего правления практически не занимался делами Киевской Руси, проводя большую часть времени в низовьях Дуная вокруг города Переяславца, воюя там с болгарами и византийцами: «В лето 6477 (969). Рече Святослав матери своеи и бояром своим: “Не любо ми есть в Киеве быти, хощу жити в Переяславци и на Дунаи, яко то есть средина земли моей, яко ту вся благая сходиться, от Грек паволокы и злато, и вина, и овощи розноличныи, из Чех, изо Угр сребро и кони, из Руси же скора, воск, и мед, и челядь”» (С. 34). Правление на самой Руси было разделено между его тремя сыновьями – Ярополк был поставлен править в Киеве, Олег – в древлянах, и Владимир – в Новгороде[4]. Очевидно, что в этот период ослабления центральной княжеской власти (и отсутствия на Руси княжеского войска) многие земли, входившие под протекторат Киева, стали стремиться к большей автономии. Видимо, в этот период вятичи и радимичи перестали платить дань Киеву, а в Полоцке и Турове получили власть приехавшие из-за моря новые дружины варягов во главе с Рогволодом и Туром, соответственно.

Наконец, еще одно племя, которое в различных национальных историографиях получает несовпадающие интерпретации, это поляне. Жившие на Среднем Днепре, они оказались в центре Древнерусского государства после того, как князь Олег сделал расположенный на территории полян город Киев своей столицей и объявил, что Киев «буди мати градом руским» (С. 17). После этого, этноним «поляне» постепенно стал синонимом слова «русь», фразу летописи «поляне, иже ныне зовомая русь» мы уже приводили выше.

В советской историографии, прежде всего благодаря трудам академика Б.А. Рыбакова, история полян получила глубокую проработку, начиная с VI в., с князя Кия и его братьев. Поляне в этой концепции воспринимались как ядро Древнерусского государства и «русской земли» в узком смысле слова (по Б.А. Рыбакову)[5]. В постсоветской украинской историографии племя полян стало восприниматься как основа украинской нации, и Киевская Русь как пример древнеукраинской государственности.

---

[1] См. напр.: Маковский Д.П. К вопросу о происхождении северных славян (кривичей) // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз. 1952. С. 66, 73–74.
[2] См. напр.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 258–284.
[3] ПСРЛ. Т. 38. С. 19.
[4] Там же. С. 35.
[5] Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 55–90.

Если же буквально следовать тексту летописи, то поляне, находившиеся под хазарским протекторатом, были подчинены князем Олегом в 882 г. и вошли в его собственный варяжский протекторат (или «русский» протекторат в норманистском смысле этого слова): «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «Се буди мати градом руским». И беша у него варязи, и словене, и прочии, прозвашася русью» (С. 17). Варяжская дружина Олега осталась вместе с ним в новой столице и оттуда начала управлять подчиненной страной. Для характеристики элиты Киевской Руси того времени весьма показателен список киевских послов, которые вместе с Олегом договаривались о мире с византийцами в Константинополе. В походе 907 г. это «Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид» (С. 20), в переговорах 912 г. послы представляются так: «Мы от рода рускаго; Карл, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руал, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид, иже послани от Олга. великого князя рускаго» (С. 20). Подавляющее большинство этих имен этнически – скандинавы. Поэтому отождествлять Киевскую Русь первого столетия ее существования с полянами было бы большой натяжкой. В вышеприведенном перечислении племен, участвовавших в походе князя Игоря на Византию в 944 г. русь и поляне упомянуты отдельно друг от друга, в числе послов Игоря в Константинополе в 945 г. также большинство составляют скандинавские имена[1]. Лишь ко времени Владимира к концу X в. скандинавские имена перестают доминировать в киевской элите. Все отличие полян от других племен в этот период состоит только в том, что они жили непосредственно вокруг новой столицы князя Олега.

Но для нас важны не только идеологические акценты в четырехугольнике поляне-варяги-русские-украинцы. Применительно к этнической истории полян большую значимость приобретает еще один аспект. Дело в том, что в «Повести временных лет» этноним «поляне» применяется не только к племени, жившему на Среднем Днепре, но и к одному из славянских племен, расселенных на территории Польши. Вышеприведенный список славянских племен из летописи это подтверждает. Традиционно, в советской историографии превалировала точка зрения, что это два абсолютно разных племени, которые получили одинаковое название из-за того, что оба жили «в полях», т.е. на территории, свободной от леса. «Поляне же прозвани быши, зане в поли седяху», – пишет летопись (С. 19).

В то же время, в «Повести временных лет» неоднократно упоминается о том, что для территории вокруг Киева как раз были характерны леса, а не поля. Вот фрагмент о том, как Кий с братьями строят Киев: «Поляном же живущим особе и володеющим роды своими, яже и до сеа братья бяху поляне, и живяху кождо с родом своим на своих местех и володея родом. И быша 3 братья, единому имя Кии, другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь... И сотвориша городок в имя брата их старшаго и нарекоша Киев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь, бяхут бо мудри и смыслены, и нарецахутся поляне» (С. 13). Другой фрагмент о том же – когда хазары потребовали с полян дань и те дали им «от дыма меч», то когда хазарский каган спросил воинов, где они взяли такую дань, те ответили: «В лесех, на горах, над Днепрьскою рекою» (С. 15). В такой ситуации самоназваться полянами для племени, живущего посреди лесов, выглядит не очень логично.

Помимо этого, по контексту летописи не исключена и интерпретация, что Кий с братьями не жили изначально на месте будущего Киева, а приплыли туда из других земель.

В этой связи не менее логичным выглядит предположение и о том, что днепровские поляне изначально были частью польского племени полян и могли переселиться на Днепр в ходе одной из волн славянского переселения с Запада на Восток, либо в период притеснений славян со стороны Аварского каганата, либо по иным причинам. Дополнительным подтверждением возможности этого служит то, что совсем рядом с ареалом расселения польских (ляшских) полян (живших по Варте и в междуречье Варты и Средней Вислы вокруг Гнезно и Познани), один из близлежащих регионов называется Куявия (что очень сходно с Киевом, называемым в арабских источниках Куява). Сразу два похожих названия заставляют задуматься, что это не простая случайность. Таким образом, днепровские поляне, так же, как и радимичи с вятичами, могут происходить из западнославянского ареала, с территории Польши.

На этом фоне идеологизации средневековой истории, с рубежа 1990–2000-х гг. у историков появился принципиально новый источник, который может в гораздо большей степени прояснить корни этнических процессов в регионе. Это данные популяционной генетики. Эта научная дисциплина существовала и раньше, но в этот период она вышла на принципиально более высокий и точный уровень анализа. Раньше она занималась исследованием групп крови, цвета волос и т.п. в различных этнических популяциях (то, что на современном биологическом сленге называется «классическая популяционная генетика»). А с 1990-х гг., благодаря новым открытиям в сфере генома человека, основным предметом исследования данной дисциплины стали мутации ДНК в Y-хромосоме и митохондриальной ДНК, позволяющие с высокой степенью точности проследить родство, соответственно, по мужской и женской линии.

Одним из пионеров этих исследований стал итальянский генетик, работавший в Стенфорде, Луиджи Лука Кавалли Сфорца. Его книга 1994 г. стала своего рода итогом исследований «классического» периода и заложила основы популяционной ДНК-генетики[2]. Ключевым популяризатором этого направления на широкую аудиторию стал один из аспирантов Л.Л. Кавалли Сфорцы Спенсер Веллс, организовавший специальный проект по ДНК-генетике популяций с Национальным географическим обществом США[3]. Поскольку сообщество популяционных ДНК-генетиков, как, увы, и многие другие научные школы, сразу же оказалось раздроблено на несколько конкурирующих и неприязненно относящихся друг к другу направлений, то еще одним важнейшим популяризатором этой дисциплины стал противник школы Кавалли Сфорцы Брайан Сайкс, опубликовавший наиболее широко распространенный бестселлер по исторической ДНК-генетике «Семь дочерей Евы»[4].

Базовым открытием данной дисциплины стало доказательство того, что все ныне живущее население Земли произошло от одной конкретной женщины, жившей в Африке, по разным оценкам, 140–200 тыс. лет назад, которую называют «Митохондриальная Ева», и от одного конкретного мужчины, жившего также в Африке, по разным оценкам, 80–140 тыс. лет назад, который получил имя «Y-хромосомный Адам». Их генетический код (или точнее говоря,

[1] ПСРЛ. Т. 38. С. 25–26.
[2] Cavalli Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. *The History and Geography of Human Genes.* Princeton: Princeton University Press, 1994.
[3] Wells S. *The Journey of Man: A Genetic Odyssey*. New York: Random House, 2002; Idem. *Deep Ancestry: Inside the Genographic Project*. Washington, D.C.: National Geographic Society, 2006.
[4] Sykes B. *The Seven Daughters of Eve*. London: Bantam Press, 2001.

последовательность нуклеотидов в ДНК) является базовым для всего существующего человечества. А от них, с постепенным накоплением мутаций в ДНК в Y-хромосоме и митохондриях, можно проследить разделение изначально единого вида Homo sapiens на отдельные прото-этнические группы и их миграцию из Африки на другие континенты.

Постепенно учеными было сформировано генетическое древо мутаций как по мужской, так и по женской линии, по которому можно проследить генетические корни современных этносов. Большие сообщества людей с одинаковым набором накопленных мутаций получили в генетике название «гаплогруппы». Внутри них в ДНК-анализах по мужской линии более мелкие подгруппы называются «гаплотипы». Этот ДНК-анализ проводился как по найденным археологами останкам древних людей, так и у ныне живущих популяций. В последнем случае, с применением затем статистического и картографического анализа стало возможным выделить регионы преобладания той или иной гаплогруппы, и тем самым этническая карта мира могла быть сопоставлена с картой генетического происхождения популяций.

Поскольку гаплотип средневекового человека передается всем его прямым потомкам по мужской линии практически без изменений вплоть до сегодняшнего дня, то это позволило с достаточной статистической четкостью выделить те самые иноэтничные субстраты в ныне существующих этносах (например, финно-угорский субстрат среди русских), о которых по данным археологии и лингвистики можно было только предполагать.

За годы проведения данных исследований были созданы значительные по объему базы данных гаплотипов. На их основании стало возможным выделить наиболее часто встречающиеся гаплотипы у современных наций, а также сопоставлять их друг с другом у соседних или родственных этносов. Эти новые данные позволяют нам получить дополнительную информацию и по летописным племенам, которые стали предметом рассмотрения в данной статье.

Интересующие нас гаплотипы принадлежат к Y-хромосомной гаплогруппе R1a1 (или по новой классификации Международного общества генетической генеалогии, введенной с 2008 г. – R1a1a). Ее носители принадлежат к индоевропейской семье языков, она распространена в Северной Индии, в Иране, в Европе. К этой гаплогруппе принадлежит и значительная часть современных славянских и балтских народов, т.н. «чистые» (в нейтральном смысле) индоевропейцы (а не те мужчины, которые хотя самоидентифицировали себя с одним из славянских/балтских народов, но по данным ДНК-анализа произошли от угро-финского (гаплогруппа N3, по новой классификации N1c), палеоевропейского (гаплогруппа I) или иного прародителя по мужской линии).

Гаплотипы внутри гаплогрупп определяются по изменению количества т.н. «коротких тандемных повторов» (англ. short tandem repeat, STR) пар нуклеотидов ДНК на определенном участке Y-хромосомы (англ. DNA Y-chromosome segment, DYS). Анализ STR проводится по различным сегментам ДНК (обычно, по 6, 12, 17, 25, 37 или 67 различным участкам). Одним из наиболее распространенных и стандартизированных анализов является анализ по 17 выбранным сегментам, который получил название «Y-файлер», и который включает в себя следующие участки ДНК Y-хромосомы: DYS19, DYS385a, DYS385b, DYS389-1, DYS389-2, DYS390, DYS391, DYS392, DYS393, DYS437, DYS438, DYS439, DYS448, DYS456, DYS458, DYS635, Y-GATA-H4.

Статистический анализ по различным гаплотипам гаплогруппы R1a1a приведен в работах А.А. Клёсова 2008–2010 гг.[1] Один из гаплотипов, который А.А. Клёсов называет «гаплотипом западных славян», представляет собой следующие значения STR в формате Y-файлера:

17-10-14-13-30-25-10-11-13-14-11-10-20-16-16-x-11 [2].

По статистике, приведенной А.А. Клёсовым, этот гаплотип имеется у 34% обследованных чехов гаплогруппы R1a1a и у 27% поляков этой гаплогруппы[3].

Далее А.А. Клёсов анализирует гаплотипы русских гаплогруппы R1a1a в европейской части России. Из них он выделяет девять основных гаплотипов, которые он называет «девять племен», и высказывает предположение, что их современные носители могли соотноситься с одним из летописных племен восточных славян[4]. А.А. Клёсов сам не высказывает никаких предположений насчет соотнесения этих гаплотипов с конкретными племенами, также не проводит он и сравнительного анализа русских и зарубежных гаплотипов группы R1a1a.

На основании вышепроведенного нами исторического исследования попробуем сопоставить эти новые генетические данные с материалами письменных и археологических источников.

Из девяти указанных гаплотипов для нас прежде всего важна «шестая ветвь», по классификации А.А. Клёсова. В формате Y-файлера она выглядит так:

17-10-14-13-30-25-10-11-13-14-11-10-20-16-16-23-12 [5].

Если мы сравним ее с приведенным выше «гаплотипом западных славян», мы увидим лишь одно отличие от не-

---

[1] Автор не вмешивается в очень острую дискуссию в российском сообществе популяционных генетиков между геногеографической школой Е.В. и О.П. Балановских и направлением «ДНК-генеалогии» А.А. Клёсова. В целях нашей работы отметим лишь, что основные обвинения А.А. Клёсову в отождествлении славян и ариев относятся либо к его соавтору А.А. Тюняеву, либо к его собственным поздним работам 2013–2014 гг. и в любом случае находятся вне пределов темы нашей статьи. Рассматриваемый же в нашей работе реально существующий комплекс гаплотипов гаплогруппы R1a1a, выделенный в международных базах данных гаплотипов, формируемых по итогам анализа ДНК все большего числа людей (таких, как *Y Search.* Genealogy by Genetics, Ltd., n.d. Web. <www.ysearch.org> и др.), статистический анализ которых проводил А.А. Клёсов в своих ранних работах 2008–2010 гг., не оспаривается и не ставится в фокус дискуссии его оппонентами. См. эту дискуссию, напр., в: Балановская Е.В. и др. ДНК-демагогия Анатолия Клёсова // Троицкий вариант. 2015. № 170. 13 января. С. 1–2; Клёсов А.А. Вызываю огонь на себя [Электронный ресурс] // Переформат.ру. 2015. 2 февраля. Режим доступа: http://pereformat.ru/2015/02/klyosov-position/.

[2] «X» означает отсутствие данных по этому сегменту. К сожалению, несмотря на молодость популяционной ДНК-генетики, в ней, отчасти из-за коммерческой конкуренции, распространилось несколько несовпадающих форматов исследования DYS. Данный гаплотип был приведен в работе А.А. Клёсова в конкурирующем с Y-файлером формате «Family Tree – DNA» (FTDNA). Мы перевели его в формат Y-файлера для последующего удобства сопоставления с гаплотипами ареала восточных славян, но один из сегментов ДНК (DYS635), который представлен в Y-файлере, в формате FTDNA не анализируется.

[3] Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии. Бостон – М.: Белые альвы, 2010. С. 601–603.

[4] Там же. С. 664–666.

[5] Клёсов А.А. Гаплотипы восточных славян: девять племен // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2009. Т. 2. № 2. С. 245.

го (в последнем сегменте Y-GATA-H4 12 STR вместо 11). А это значит, что один из девяти базовых восточно-славянских[1] гаплотипов практически совпадает с ключевым польским гаплотипом. А это значит, что одно из восточно-славянских племен должно было иметь польские корни и быть несомненно польского происхождения. Если мы обратимся к летописным источникам, то «братские» племена радимичей и вятичей как раз отвечают этому условию. И на основе генетических данных мы должны теперь будем с гораздо большим доверием отнестись к сообщению летописи, что радимичи и вятичи произошли «из ляхов», несмотря на многолетнюю традицию советской археологии отрицать это и говорить об их «зарубинецкой автохтонности».

Почти совпадающий гаплотип означает, что разделение поляков и этого восточно-славянского племени произошло не так давно в исторической ретроспективе. Радимичи и вятичи, чей уход из Польши четко зафиксировался в исторической памяти летописца и произошел не за так много поколений до фиксации этого, отвечают этому условию в большей степени, чем, скажем, днепровские поляне, которые, если и были одним целым с полянами польскими, то отделились от них гораздо раньше радимичей с вятичами.

Другой интересный нам восточно-славянский гаплотип – это «пятая ветвь» из классификации А.А. Клёсова. В формате Y-файлера она выглядит так:

16-11-14-13-30-25-10-11-13-14-11-10-20-16-15-23-13 [2].

Ее будет крайне интересно сравнить с еще одним западным гаплотипом в рамках гаплогруппы R1a1a – тем, что А.А. Клёсов называет «балто-карпатской ветвью». По статистке современных популяций, эта ветвь получила наибольшее распространение на территории Литвы и пограничного с Литвой востока польского Поморья (ранее, как известно, населенного балтами)[3]. Тем самым, ее можно считать базовой ветвью для балтских этносов внутри индоевропейского ареала. Ее гаплотип в формате Y-файлера следующий:

16-11-14-13-30-25-10-11-13-14-11-10-20-16-15-x-11 [4].

Здесь также мы видим, что кроме двух накопленных мутаций в сегменте Y-GATA-H4 (последний сегмент в данном формате, где наблюдается 11 STR в «балто-карпатской ветви» и 13 STR в «пятой ветви» восточных славян), гаплотип этих двух ветвей представляется полностью идентичным. А это приводит нас к крайне важному выводу, что одно из восточно-славянских (в традиционном понимании) племен по данным популяционной ДНК-генетики на самом деле является балтским, или по крайней мере, имеет выраженное балтское происхождение. Из всех древнерусских племен под это определение подпадают именно кривичи. В результате, в вышеприведенной дискуссии об их балтском или славянском происхождении, данные генетики свидетельствуют в пользу балтского происхождения кривичей. Поэтому термин «балтокривичи» получает свое право на существование.

Важно отметить и то, что, по данным А.А. Клёсова, «балто-карпатская ветвь» за исключением мутации в DYS458[5] очень похожа на выделенный им базовый индоевропейский гаплотип в целом, распространенный главным образом в Индии[6]. Это позволяет объяснить отмеченную лингвистами ярко выраженную древность происхождения литовского языка и параллели между литовским и санскритом. Тем самым, популяционная генетика подтверждает то, что и балты, и балто-кривичи являются одними из самых древних индоевропейских родов.

Далее, что касается предыстории полян, то здесь ситуация менее определенная, и здесь есть два возможных варианта идентификации. Один из них связан со «второй ветвью» восточно-славянских индоевропейских племен по классификации А.А. Клёсова. Ее гаплотип в формате Y-файлера следующий:

16-11-14-13-29-25-10-11-13-14-11-11-20-16/17[7]-17/16-23-12 [8].

Этот гаплотип, как правило, на две мутации отличается от «гаплотипа Центральной Европы» по классификации А.А. Клёсова (в последнем DYS456=17, DYS458=16, Y-GATA-H4=11). К этому гаплотипу по статистике принадлежит более 30% чехов, значительное количество поляков, а также 24% восточных славян[9].

Второй вариант – это «восьмая ветвь» восточно-славянских племен, по классификации А.А. Клёсова. Ее гаплотип следующий:

16-11-14-13-30-25-11-11-13-14-11-10-20-16-15-23-13[10].

Этот гаплотип за исключением одной мутации (Y-GATA-H4=11) очень сходен с гаплотипом т.н. «Центральной ветви евразийских гаплотипов», к которой принадлежит до 20% поляков и 27% восточных славян[11].

Неоднозначность ситуации здесь дополняется и тем обстоятельством, что оба референтных гаплотипа не имеют четко выраженной этнической корреляции в отличие от предыдущих случаев (где речь шла практически определенно о западных славянах и балтах). К «гаплотипу Центральной Европы» помимо указанных славянских народов, принадлежит 35% жителей Германии[12]. С одной стороны, можно попытаться объяснить это тем, что они являются потомками средневековых полабских славян. С другой стороны, эта ситуация может характеризовать изначальное германо-славянское единство, отмеченное лингвистами.

Второй вариант, «центральная ветвь евразийских гаплотипов», является еще более разбросанным. Помимо славян, к нему принадлежит 29% современных индоевропейцев Шотландии и около 50% индоевропейцев Индии[13]. Оче-

---

[1] Следует особо выделить то обстоятельство, что А.А. Клёсов подчеркивает неразрывность гаплотипов современных восточно-славянских народов (см. напр.: Клёсов А.А., Тюняев А.А. Указ. соч. С. 521), и потому в генетической ретроспективе термины «русский» и «восточно-славянский» являются у него синонимами.
[2] Клёсов А.А. Гаплотипы восточных славян… С. 244–245.
[3] Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека... С. 612.
[4] Там же. С. 613–617.
[5] 15 STR в DYS458 в «балто-карпатской ветви» и 16 STR в базовом индоевропейском гаплотипе.
[6] Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека... С. 650–652.
[7] В этой ветви А.А. Клёсов выделяет две подветви с соответственно разным числом STR в DYS456 и DYS458.
[8] Клёсов А.А. Гаплотипы восточных славян... С. 241–242.
[9] Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека… С. 590–594.
[10] Клёсов А.А. Гаплотипы восточных славян… С. 246–247.
[11] Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека... С. 628–630.
[12] Там же. С. 590.
[13] Там же. С. 628.

видно, что он отражает еще более древние пласты изначального индоевропейского единства.

Тем не менее, поскольку в первом случае вектор движения «гаплотипа Центральной Европы» с большой долей очевидности был направлен с Запада на Восток, то сформированная под его влиянием «вторая ветвь» восточнославянских племен также, очевидно, имеет западные корни. Если гипотетически отождествить с ней днепровских полян, то тогда концепция об их едином происхождении с полянами междуречья Варты и Вислы получит подтверждение и на уровне популяционной генетики.

Далее, развивая эту концепцию, опять же гипотетически можно предположить, что «восьмая ветвь» восточнославянских племен, связанная с более древним индоевропейским пластом, в этом контексте может быть рассмотрена как «дополянский» субстрат Среднего Поднепровья, который действительно можно считать автохтонным с зарубинецкого времени, и который в последующей этнической истории Древней Руси может быть условно отождествлен с древлянами или северянами.

Естественно, данная гипотеза еще отнюдь не верифицирована и требует дополнительной проверки. Но в любом случае очевидно, что популяционная генетика привносит в этот исторический и археологический анализ новое важное измерение.

Два же других сопоставления данных генетики со средневековой историей и археологией представляются более определенными: это свидетельства ДНК в пользу возможного происхождения радимичей и вятичей от западных славян, а кривичей – от балтов. Эти материалы могут добавить новые нюансы для изучения средневековой истории данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. Основы археологии. М.: Высшая школа. 1989.
2. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 311–367.
3. Алексеев Л.В., Богданов В.П. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М.: Наука, 2009.
4. Булкин В.А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Дисс. … к.и.н. Л. 1973.
5. Булкин В.А., Дубов И.В. Тимерево и Гнездово // Из истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 16–20.
6. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
7. Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 11–17.
8. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004.
9. Клёсов А.А. Гаплотипы восточных славян: девять племен // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2009. Т.2. № 2. С. 232–251.
10. Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии. Бостон – М.: Белые альвы, 2010.
11. Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс: ЕГУ, 2011.
12. Кухаренко Ю.В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология. 1960. № 1. С. 289–300.
13. Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // Свод археологических источников. М.–Л.: АН СССР, 1965. Вып. Д1-29.
14. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М.: Наука, 1969.
15. Ляпушкин И.И. Новое в изучении Гнездова // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 43–44.
16. Ляпушкин И.И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 33–37.
17. Маковский Д.П. К вопросу о происхождении северных славян (кривичей) // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952.
18. Новик Е.К., Качалов И.Л., Новик Н.Е. История Беларуси. С древнейших времен до 2010 г. Минск: Вышэйшая школа, 2011.
19. Петренко В.Г. Культура племен правобережного Среднего Приднепровья в IV–III вв. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Наука, 1961. Т. 96.
20. Петриков П.Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск: Белорусская наука, 2007.
21. Побаль Л.Д. Пасяленні і могільник зарубінецкай культуры у Чапліне // Весці Акад. навук БССР. 1959. № 3. С. 71–83.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л.: Наука, 1989.
23. Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII в. / Ред. А.Е. Тарас. Минск: Харвест, 2010.
24. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
25. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.
26. Тереножкин А.И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время // Советская археология. 1955. Вып. XXIV. С. 7–28.
27. Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: АН УССР. 1961.
28. Топоров В.Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217–280.
29. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
30. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л.: Наука. 1966.
31. Cavalli Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. *The History and Geography of Human Genes*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
32. Sykes B. *The Seven Daughters of Eve*. London: Bantam Press, 2001.
33. Wells S. *The Journey of Man: A Genetic Odyssey*. New York: Random House, 2002.
34. Wells S. *Deep Ancestry: Inside the Genographic Project*. Washington, D.C.: National Geographic Society, 2006.
35. *Y Search.* Genealogy by Genetics, Ltd., n.d. Web. <www.ysearch.org>.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Барабанов, О. Н. Раннесредневековая этническая история балто-славянского ареала и новые данные популяционной генетики для ее изучения / О.Н. Барабанов // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 366—376. Стационарный сетевой адрес: адрес: 2226-7271provr_st1_2-19_20.2015.111.